

-2002. - 1 авг.
- с. 22 - 2/3

Я не был знаком с Майком Науменко.

В те годы — имею в виду конец семидесятых, середину восьмидесятых — это как-то не очень меня тревожило: ну успею еще. Он так или иначе, знакомый или незнакомый все равно был рядом — один из нас, такой же, как мы. Он вполне мог появиться на одной из многочисленных вечеринок, которые на тогдашнем языке назывались «сейшенами», — темные комнаты, магнитофоны, ревушие «Child in time», долгие танцы, долгие поцелуи и страшное количество выпивки, которая поглощалась в немыслимом темпе...

Познакомиться с Майком в те годы мне было бы совсем нетрудно. Мой тогдашний приятель Артем Троицкий организовывал его концерты в Москве, и мне хватило бы одного телефонного звонка. Но по какой-то прихоти судьбы именно на концерты Майка я не попадал, хотя вообще-то на мероприятия подобного рода похаживал. Помню, например, подпольный концерт «Аквариума» в каком-то студенческом общежитии, в маленьком зальчике, где парень, сидевший рядом со мной, вдруг пожаловался, что голоден, и я отдал ему почему-то бывший у меня с собой бутерброд; и не меньше Гребенщикова в матросской бескозырке, ревавшего «Капитан Африка», запомнились мне этот отданный бутерброд и общее ощущение братства, царившее в тесном зале.

Потом Майк умер. Я знал от кого-то, что он пьет по-страшному, но это, конечно, не удивляло: один он, что ли? Смерть его случилась через несколько дней после августовского путча 1991 года. Начинались новые времена, которых, по общему мнению тех месяцев, предстояло быть прекрасными. Казалось, усталый от жизни, обрюзгший, опухший от пьянства Майк, которого в довершение всех его бед оставила жена Наталья, просто вывалился с корабля современности. И вот гигантский, расцветенный демократическими флагами лайнер под названием «Россия» под звуки оркестра пошел в голубые дали, а лидер группы «Зоопарк», любитель рома с пепси-колой, камнем отправился ко дну. Это кощунственно прозвучит, но в такой его участи уже тогда

ощущалась какая-то справедливость.

В роке тот, кто остался в живых, — ненастоящий. Настоящие — умерли. Конечно, эти слова слишком многозначительны, слишком претенциозны, чтобы быть правдой. Но каждый, кто знает толк в этой музыке, все-таки поймет, о чем речь.

В музыке Майка никогда не было ничего патетического, что довольно-таки странно. В те годы, когда он сочинял свои песни, патетика была стилем жизни. Молодые люди носили летящие по ветру длинные волосы, гитаристы на сценах принимали героические позы, в моде был открытый драматический вокал Дэвида Байрона из U2 и Непер. Но Майк и «Зоопарк» играли простую, абсолютно лишённую всякой позы и патетики музыку. И сам он себя не возвеличивал и однажды даже обозвал «музыкальной проституткой, которая играет с кем угодно, где угодно и когда угодно».

Он не пытался быть пророком или создателем музыкальной Вселенной — он просто писал песенки, но каким-то удивительным образом в этих немудреных песенках, которые его алкоголическая группа исполняла черт-те как, но всегда с отчаянным, *клевым* драйвом, — в этих песенках оказывалась вся наша жизнь.

Каждый мог считать, что это про него.

Многодневные летние попойки на дачах он воспел с немыслимой силой и точностью. «Я сижу в сортире и читаю Rolling Stones, Венечка на кухне разливает самогон, Вера спит на чердаке, хотя орет магнитофон, ее давно пора будить, но это будет моветон...» — кто из рок-н-рольного пипла тех лет не помнит всего этого? И кто в те годы, не сдав шести зачетов из шести, прячась в туалете от офицера военной кафедры, имевшего одну боевую задачу — заставить хиппи постричься, — не мог бы сказать вслед за Майком с ухмылкой и вызовом, который на языке тех лет назывался *понтом*: «Двадцать лет, как бред, двадцать бед — один ответ».

Это были времена веселого, легкого, оптимистического пьянства — распития совершались ежевечерне на скамейках бульваров,

ПОТЕРЯВШИЕ СМЕРТЬ — НЕНАСТОЯЩИЕ



Майк Науменко. Полосатый пиджак, бутылка пива в руке, хайр до плеч. Рок-н-ролл еще жив...

В подворотнях и в садиках, а также в электричках, телефонных будках, на крышах домов, в зоопарке и планетарии, а также в иных экзотических местах. Это было не просто тупое пьянство, превращающее человека в свинью, — это были азартное приключение и вызов угрюмому советскому миру. И это был образ жизни — кто-то вспоминал о Майке, что он и его группа дико возмутились, когда менеджер, везший их на концерт из Ленинграда в Москву, взял у проводницы простыни и заплатил за них ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ! Потратить четыре рубля на такую ерунду казалось безумием. «А пить на что мы будем? Вот и пей свои простыни!»

В Майке с какой-то удивительной отчетливостью выразились черты рок-поколения, которое в Союзе сильно отличалось от евроамериканского. Те были социально активные — устраивали марши мира, демонстрации за права человека, антивоенные акции. Они жили в мире, который поддавался изменениям. В Союзе в семидесятые и восьмидесятые подобных иллюзий быть не могло — мы жили в момент остановки времени, в стране, в которой еще не изобрели исторические часы. Это потом уже, в совсем иную эпоху, Pink Floyd спели гимн разрушению стены — The Wall, а тогда все стены были сложены из добротных советских кирпичей, пробить

которые не смог бы ни один каратист в мире.

Политика в этой стране была мерзость, социальная жизнь — ложь, работа — тоска, а свободу можно было обрести только в самом низу — в вагончике ночного сторожа. Майк и был ночным сторожем за семьдесят рублей в месяц и приверженцем теории «пофигизма», в которой в равных пропорциях смешивались русское разгильдяйство и восточный буддизм. В соответствии с этой теорией никогда не стоило ни о чем особенно волноваться и ни к чему особенно стремиться. На обложке своего диска «Белая полоса» Майк эту теорию проиллюстрировал — он сидит посередине улицы в своих неизменных черных очках, при бабочке и в кроссовках...

Это не была поза — он правда был таким. Майк принадлежал к прекрасному племени раздолбаев. На сцене он с перепоя забывал слова, его группа по той же причине не попадала в ноты, микрофоны отключались, усилители сторали, гитары ломались, а репетиции отменялись в пароксизме похмелья и в приступе безумной гордости: «Пусть репетируют те, кто не умеет играть!»

В сущности, главным, о чем он пел всю свою жизнь, — была любовь, та самая, про которую сказано: «All you need is love». Никто не спел о любви с таким чувством и с такой точностью, как Майк, — и это не абстрактные песенки, которыми всегда переполнен эфир, а вещи, в которых есть

вкус жизни, обстоятельства времени и места. В те годы, когда Майк писал «Дрянь», и «Сладкую N», и «Марию», любовь для рок-н-рольного пипла была воздухом и погодой — то есть тем, что есть в жизни всегда и что не могут отнять никакие монстры на должностях и упыри в погонах. Господи, с каким роскошным прононсом, чуть в нос, тянет он эту свою тягучую мощную фразу: «Ты дряя-яянь!» — и с какой легкой иронией поет: «Прошай, детка, детка, прошай, и на прощанье я налью тебе чай...».

Майк — человек абсолютно неконфликтный, никаких гордых социальных идей не проповедовавший, с пьяной галантностью целовавший ручку Пугачевой, когда она пришла с визитом в ленинградский рок-клуб (больше на нее там никто не обратил внимания, и дива бежала), — тем не менее оказался в принципиальном конфликте с жизнью.

За всю свою жизнь он не вписался никуда.

Сначала он — вместе со всем нашим рок-н-роллом, который был музыкой подполья, — не вписался в советский мир; потом он — принципиальный алкоголик и отказник по призванию — не вписался в новую свободу. Макаревич и Гребенщиков рванули к новым горизонтам, к большим залам и гонорарам — Майк остался там, где был: со своей музыкальной бандой хипов-алкоголиков, в своей коммуналке. Но и смерть не сильно изменила его личную ситуацию — суш-

ность музыканта и раздолбая Майка оказалась сильнее не только жизни, но и смерти. Модным, популярным, вездесущим, лезущим в глаза и уши, принадлежащим телеэкрану и тусовке он не будет никогда — для этого он слишком настоящий.

Сегодня Майка не крутят по радио (спасибо за это радио!) — его простая и архаичная музыка не вписывается в нашу шумную технологичную эпоху. В песнях Майка есть боль и

▲ Майк принадлежал к прекрасному племени раздолбаев



страсть, которые невозможно придумать, — их можно только прожить и сказать в конце:

«Не пугайся, если вдруг ты услышишь ночью странный звук, это просто у меня открылись старые раны».

● Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Фотографии с сайта поклонников

ДИСКОГРАФИЯ:
Все братья — сестры (вместе с Б.Г., 1978) — Сладкая N. и другие (1980) — Blues de Moscou (1981) — LV (1982) — Уездный город N (1983) — Белая полоса (1984) — Музыка для фильма (1991).